

Г.А. Камлевич (Минск, Беларусь)

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. ПОЛОЗКОВОЙ

Общеизвестно, что к специальной лексике относятся термины и профессионализмы. В пределах терминологического поля первая группа слов не обладает прагматической «заряженностью», экспрессивностью. В художественной речи может происходить трансформация слова, расширение его лексической и синтаксической сочетаемости, насыщение дополнительными коннотациями, то есть терминологическая лексика способна приобретать эмоционально-оценочный компонент и реализовывать креативно-образный потенциал. Профессионализмы всегда экспрессивны, представляя результат метафорического переноса значений слов бытовой лексики на терминологические понятия, а при использовании в художественной и публицистической речи могут выполнять особую стилистическую нагрузку. Изучению специальной лексики в целом, а также ее функционирования в художественном тексте посвящены работы Н.С. Валгиной, Н.А. Гасильева, В.П. Даниленко, Т.Н. Дорожкиной, М.Н. Кожинной, Н.З. Котеловой, В.М. Лейчика, Л.А. Манерко, Е.В. Панаевой, В.Н. Прохоровой, Л.И. Скворцова, А.В. Суперанской, А.Д. Хаютина и др.

Вовлечение специальных лексем в лирический дискурс является одним из элементов современной речи, что отражается в творчестве В. Полозковой. В первую очередь отмечается разнообразие специальной лексики, включенной в стихотворения современной поэтессы: техническая терминология (*динамик, транслятор, навигатор, сопло, турбина, сотовая ячейка, нулевая отметка* и т.д.), физическая (*герц, радиоволна, электризовать, сила тока* и т.д.), медико-биологическая (*слизистая, капельница, фистула, терминальная стадия, кора головного мозга* и т.д.), филологическая (*синекдоха, эпитет, апостроф, дольник, строка, абзац* и т.д.), музыкальная (*кантата, укулеле, бит, терция, джаз, правильный интервал, блюзовый квадрат* и т.д.), экономическая (*доход, финансы, аудит, кредит, платежеспособный* и т.д.) и др.

Различной оказывается функциональная нагрузка специальных лексем, представленных в лирическом дискурсе В. Полозковой. Естественно применение терминов в их прямом, специальном, значении, то есть в номинативной функции – функции определения понятий, что позволяет точно описать события, дать достоверные детали, охарактеризовать условия труда и быта персонажей, представить речевой портрет т.д.: *расскажи мне о том, как он носит очки без диоптрий, / чтобы казаться старше...* («Снова не мы»); *...так они втихаря обучали внуков играть блюзовый квадрат...* («Airport Brotherhood»); *Хвала*

отчаянью. Оно имеет ген / И от отца передается к сыну. / Как ни пытались вывести вакцину – / То нитроглицерин, то гексоген («Хвала отчаявшимся»); Старый Годуа ходит гулять пешком, бережет экологию и бензин. / Мало курит, пьет витамин D3, тиамин и кальций («Джо Годуа»); Рассчитай меня, Миша. Меня и мой постепенный, / Обстоятельный, предрассветный, хмельной невроз («Рассчитай меня, Миша»); Мать постареет и все, чем ее ни пичкай, / Станет оказывать только эффект побочный («Мать-одиночка растит свою дочь скрипачкой») и др. (здесь и далее в приводимых примерах сохранены авторское написание и авторские знаки).

Обращает на себя внимание использование терминов в изобразительной функции – для создания определенной образности и экспрессивности. При этом употребление специальных слов, как правило, метафорическое: город убирает столы, бреет скулы, / обнажает черные фистулы, / систолы, диастолы... («Старая пластинка»); осень опять надевается с рукавов, / электризует волосы... («Final Gut»); ...как пропитывают влюбленных густым мерцающим веществом... («Снова не мы»); И репертуар, в свою очередь, там таков, / что хрустит и трескается кора / Головного мозга («Джайт ур»); И нет никого. И так нежило внутри, / Как будто бы распахнули брюшную полость / И выстудили, разграбили незаконно («Ноябрьское»); Руки пусты, беспомощны, нерадивы; / Летом зороза, осенью – рецидивы; / Осень – рецидивист («Бабочкино»); Стрелка – это очень технологичный дар / Чуют его за милю нутром – радар / Встроен; переговариваться без раций («Очень спокойно, мелочью не гремя...»); Полюбуйся, мать, как тебя накрывает медь, / Вместе крови густая ртуть, и она заполняет плоть... («Полюбуйся, мать, как тебя накрывает медь»); ...я тебя придирчиво выбирал / и прибрал со всем твоим / барахлишком / человеческий, весь в прожилочках, миксерал... («Или даже не бог, а какой-нибудь его зам»); Никто из нас не хорош, и никто не плох. / Но цунами как ты всегда застают врасплох, / А районы как я нищи и сейсмоопасны («Остаточные явления»); Звонка его ждешь не всем существом, а так / Одной предательской хромосомой. / Скучаешь, но глуше, вывернув звук к нулю («Остаточные явления»); Мне досталась модель оптического девайса, / что вживляешь в зрачок – и видишь, что впереди («Что тебе рассказать? Не город, а богадельня») и др.

В стихотворении «Смех» встречаем целый ряд терминов, создающих цельный образ: каждый из нас – это частный случай музыки и помех / так что слушай, садись и слушай божий ритмичный смех / ты лишь герц его, сот. ячейка, то, на что звук разбит / он – таинственный голос чей-то, мерный упрямый бит... / стоит капельку подучиться – станешь проводником / будешь кабель его, антенна, сеть, радиоволна... / мы не

оптика, а оправка, мы сургуч под его печать... / мы динамики, а не звуки... / мы трансляторы: чем мы чище, / тем слышнее господень смех.

Специальная лексика может входить в состав эксплицитно выраженного сравнения: *Шикиню черен, как антрацит («Тара Дьюли»); ...как одна смс делается эпиграфом / долгих лет унижения; как от злости челюсти стискиваются / так, словно ты алмазы в мелкую пыль дробишь ими («Снова не мы»); И день, растягиваясь, / длится так ровно, как при мертвеце электрокардиограф чертит зеленое / пустое дно... («Письмо далекому другу»); Всякий мрак пронизаем, любой поворот открытие, / смерть глядит дальним светом, и он белес («Последнее утро»); Лето в городе, пыль столбом. / Надо денег бы и грозу бы. / Дни – как атомные грибы: / Сил, накопленных для борьбы, / Хватит, чтобы почистить зубы, / В стену ванной уткнувшись лбом («Лето в городе, пыль столбом»); Отношения как анамнез, возвращенья – как рецидив («Поговорить»); И он делается незыблемым, как штатив, / И сосредоточенным, как удав... («И он делается незыблемым, как штатив...») и др.*

Посредством специальных слов В. Полозкова создает различные стилистические приемы:

Мы же бежим, белки закатив, как белки («Disk World») – термин *белки* вместе с омонимом *белки* создает каламбурную игру слов;

А сомненья, кишечные палочки и слугисители Шивы / меня пытались, но не берут («Джайпур») – термин *кишечные палочки* входит в ряд однородных членов предложения и становится основой зевгмы;

Но как-то проснешься, нежностью в тыщу ватт / Застигнутый, как грозой («Ярмарка») – в данном примере словосочетание *тыща ватт* гиперболично.

В лирическом дискурсе В. Полозковой термины могут приобретать символическое, обобщенное значение:

Чтоб тут же соелаться такой, / Какой мечталось – без синекдох, / Единой, а не в разных нектах, / Замкнуться, обрести покой («Продолжение следует»); синекдоха – стилистический прием, основанный на употреблении частного вместо общего, в данном контексте выступает символом внутренней дисгармонии героини;

Я тебе очень вряд ли дочь, я скорее флюс («Хорошо, говорю»); слово флюс, обозначающее гнойное воспалительное заболевание, приобретает обобщенное значение, указывая на проблемы, возникающие между родителями и детьми;

я не нулевая отметка больше, не дерзкий птенчик, / не молодая завязь («Мастерство поддержанья пауз»); словосочетание нулевая отметка – отметка, условно принятая за начало отсчета – выступает символом неопытности, молодости и т.д.

Специальная лексика в стихотворениях В. Полозковой может характеризовать персонажей, представляя специфику их мировосприятия,

обусловленную профессиональной деятельностью или привычным образом жизни: *Это больше не жизнь, констатирует Грейс, поскольку товаровед: / Безнадёжно утрачивается форма, фактура, цвет; У большой, настоящей жизни, наверно, новый производитель, другой штрих-код («Грейс»); «Завести машину и запереться; поливальный иланг прикрутить к выхлопной трубе, / Протащить в салон. / Я не знаю другого средства, чтоб не думать о ней, о смерти и о тебе» («Джеффри Тейтум»); Это повод разоблачиться донага, / Подвести итоги посредством дольника («От меня до тебя»)* и др.

Отдельные специальные лексемы могут быть непонятны читателю. Например, на наш взгляд, требуется пояснение в следующих примерах:

Из его кружевного вымысла / Получился сплошной макабр («В освещении лунном мутненьком...»); *макабр* – танец смерти; речь в стихотворении идет о Боге, который «снимает про нас кино»;

Пробные, / Тупые, / Удары внутри виска. / Утробчая / Энтропия – / Тоска. / Глаз трагические / Круги – Баблоделы, живые трупы. / Летаргические / Торги, / Разбивайтесь на таргет-группы. («Автоответчик»); *энтропия* – часть внутренней энергии замкнутой системы, которая не может быть использована, *таргет-группа* – целевая аудитория.

Специальная лексика широко представлена в лирическом дискурсе В. Полозковой, что связано с технологизацией и информатизацией, характерной для современного общества и отражающейся в языке и речи. Разнообразие специальных лексем, которые использует В. Полозкова, свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне поэтессы, ее широком кругозоре, о «ширококодовости» идиостиля автора. Термины и профессионализмы, включенные в стихотворения В. Полозковой, выполняют различные функции, позволяя автору решить особые стилистические задачи и увеличить прагматический потенциал художественного текста.